

Statut Publishers
 ИЗДАТЕЛЬСТВО СТАТУТ

А.К. Байрамкулов

ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА
 В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

КОНСУЛЬТАНТПЛЮС
 надежная правовая поддержка

СТАТУТ

Алан Байрамкулов

**Толкование договора в
российском и зарубежном праве**

«Статут»

2015

УДК 347.44
ББК 67.404.201

Байрамкулов А. К.

Толкование договора в российском и зарубежном праве /
А. К. Байрамкулов — «Статут», 2015

ISBN 978-5-8354-1188-7

Настоящая книга представляет собой комплексное исследование, посвященное толкованию договора. Научная разработка темы актуальна для судебной практики в России и направлена на развитие данного института, в том числе на основе сравнительно-правового материала. В книге представлен анализ российского и зарубежного законодательства, который сопровождается примерами из судебной практики. Книга предназначена для судей, адвокатов, юристов организаций, занимающихся договорной работой, преподавателей и студентов юридических вузов

УДК 347.44
ББК 67.404.201

ISBN 978-5-8354-1188-7

© Байрамкулов А. К., 2015
© Статут, 2015

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Понятие толкования гражданско-правового договора	8
§ 1. Предпосылки к возникновению спора о толковании договора	8
§ 2. Установление буквального значения условий договора	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алан Байрамкулов
Толкование договора в
российском и зарубежном праве

© А.К. Байрамкулов, 2015

© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2015

* * *

Книга посвящается светлой памяти моей мамы – Елизаветы Хусейновны Байрамкуловой, адвоката, блестящего цивилиста

Предисловие

В современных публикациях по теме толкования гражданско-правового договора обращается внимание на то, что данный институт незаслуженно оставлен без внимания отечественной доктрины¹. В российской юридической литературе прослеживается явная недостаточность специальных исследований, которые бы учитывали современные тенденции развития института толкования договора в западных правовых системах.

В целях восполнения указанного пробела в настоящей работе значительное внимание уделяется иностранному опыту. Тенденции развития иностранного права рассматриваются на примерах трех ведущих правовых систем – Англии, Германии и Франции.

Следует отметить, что общая направленность российских судов на применение буквального значения условий договора без исследования важных для разрешения спора о толковании обстоятельств, свидетельствующих о содержании воли сторон, расходится с подходами к толкованию договора, принятыми в указанных странах.

Исходя из основополагающих для гражданского права принципов автономии воли и свободы договора выяснение действительной воли сторон договора является главной целью толкования. Приверженность российских судов буквальному значению договора при применении ст. 431 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в свете стоящих перед судом при разрешении спора о толковании задач не может быть признана правильной. Вместе с тем значение института толкования договора для науки и практики гражданского права сложно переоценить. Сфера применения данного института достаточно широка, поскольку разногласия в вопросе о значении договорного условия могут возникнуть при разрешении различных видов договорных споров. Как правило, вопросы о толковании условий договора возникают при рассмотрении споров о заключенности и действительности договора, об ответственности за нарушение его условий, а также во многих других случаях.

При всем многообразии споров о содержании условий договора можно предложить общие подходы к их разрешению на практике. Следует признать, что в российской доктрине и практике такие подходы пока не разработаны.

В таких условиях актуальным является критический анализ норм иностранного права, регулирующих процесс толкования договора, и практики его применения. Такой анализ в настоящей книге сопровождается примерами судебных прецедентов английских судов (в том числе основными положениями о толковании договора, принятыми Палатой лордов по делу *Investors Compensation Scheme*), а также примерами практики применения ст. 1156–1164 Французского гражданского кодекса (далее – ФГК) и ст. 133, 157 Германского гражданского уложения (далее – ГГУ).

Многие современные тенденции развития данного института пока плохо изучены российской доктриной, в особенности это касается *восполнительного толкования договора*, когда суду необходимо разрешить вопрос об устранении пробела в договоре.

Вместе с тем тема толкования договора становится особенно актуальной в связи с дальнейшим развитием договорного права в России после перехода к рыночной системе. Появление новых видов договоров, усложнение договорных связей, увеличение объема текстов заключаемых в гражданском обороте договоров (в особенности между коммерческими организациями и предпринимателями) обуславливают возникновение большого количества споров о толковании договорных условий.

¹ Каранетов А.Г. *Contra proferentem* как метод толкования договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2013; СПС «КонсультантПлюс». При этом диссертационные исследования по теме не учитывают богатый иностранный опыт (Степанюк Н.В. Толкование гражданско-правового договора: Дис... канд. юрид. наук. М., 2008).

Обзор российской судебной практики позволяет сделать вывод о том, что перед российскими судами встают во многом аналогичные вопросы в отношении толкования гражданско-правового договора, в частности вопросы, связанные с установлением содержания неопределенных условий, с учетом обстоятельств, влияющих на результат толкования, с необходимостью восполнения пробелов. Для ответа на эти вопросы требуется научная разработка темы толкования договора.

Изложенное свидетельствует о необходимости разработки общих подходов к толкованию гражданско-правового договора, которые могли бы применяться российскими судами при установлении содержания волеизъявления сторон сделки в случае наличия спора о толковании.

В рамках настоящей книги мы предприняли попытку ответить на ряд вопросов, которые имеют фундаментальное значение для института толкования договора. Среди таковых определение субъективных и объективных предпосылок для возникновения спора о толковании договора; анализ соотношения толкования и установления буквального значения условий договора; анализ субъективного и объективного подходов к толкованию договора в иностранном праве, обоснование возможности применения указанных подходов в российском праве; анализ восполнительного толкования договора и обоснование возможности его применения российскими судами.

Для практикующих юристов выводы, к которым мы пришли по итогам проделанной работы, сформулированы в виде проекта разъяснений Верховного Суда РФ по вопросу толкования договора, который является приложением к настоящему изданию.

Как показала практика применения п. 11 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (далее – ВАС РФ) от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», в котором закреплено правило о толковании договора против автора неясного условия (*contra proferentem rule*), подобные разъяснения являются эффективным инструментом совершенствования института толкования договора.

Настоящее издание основано на диссертации автора, которая была защищена в Диссертационном совете Д 503.001.01 при Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Автор выражает благодарность своему научному руководителю, доктору юридических наук, профессору Олегу Николаевичу Садикову за неоценимый вклад в подготовке диссертации и настоящего издания. Также автор хотел бы выразить признательность за ценные критические замечания своим официальным оппонентам, доктору юридических наук, профессору Артему Григорьевичу Карапетову и кандидату юридических наук Евгению Юрьевичу Самойлову.

Сформулированные в настоящей книге выводы могут быть использованы специалистами в научно-исследовательской деятельности в рамках преподавания курса отечественного и зарубежного гражданского права в высших учебных заведениях. Книга также может быть полезна практикующим юристам при составлении договоров и при представлении интересов клиентов в судах.

Глава I. Понятие толкования гражданско-правового договора

§ 1. Предпосылки к возникновению спора о толковании договора

1.1. Когда возникает спор о толковании договора? Необходимость в толковании договорных условий судом может возникнуть при рассмотрении всех категорий дел и обусловлена наличием между тяжущимися сторонами спора по поводу смыслового содержания положений заключенного ими гражданско-правового договора.

Спор о толковании договора предполагает, что каждая из сторон придерживается своего понимания значения спорного условия, ссылаясь на него в процессе в качестве основания своих требований и возражений. В этой связи наличие как минимум двух различных пониманий одного договорного условия является общей предпосылкой для возникновения спора о толковании договора.

1.2. Возможно ли обобщить случаи возникновения спора о толковании договора? На практике случаи, когда стороны договора сталкиваются с противоречиями в смысловом содержании его условий, разнообразны и зависят от конкретных обстоятельств рассматриваемого дела, однако представляется возможным выделить ряд общих для таких случаев закономерностей.

Как правило, различия в понимании договорного условия связывают с неопределенностью его содержания, «когда известно, что сторонами было сказано, написано или выражено иным образом, но остается неясным смысл их волеизъявления»². В российской доктрине также подчеркивается, что необходимость толкования возникает тогда, когда форма выражения воли непонятна и неясен ее смысл или он вызывает существенные сомнения³.

Ситуации, когда условия договора характеризуются неясностью (многозначностью) либо противоречивостью, различаются с точки зрения фактических обстоятельств, что препятствует их генерализации. Тем не менее способы их обнаружения во многом совпадают, что может быть использовано для описания тех случаев, когда возникает необходимость в толковании договора.

1.3. Понятие неопределенности условия договора в английском праве. В практике судов стран общего права (*common law*) было сформировано понятие *неопределенности договорного условия* (*ambiguity of contract term*), которое охватывает случаи, требующие обращения суда к толкованию договора. Хотя в отечественной доктрине аналогичное понятие отсутствует, некоторые выводы английских юристов могут быть полезны для рассмотрения масштабов интерпретационных проблем, возникающих перед судами.

Под неопределенностью условий в английском праве понимаются все случаи, когда спорное условие «имеет два и более исходных значения (курсив наш. – А.Б.), каждое из которых может быть принято без искажения языка»⁴. Как видно, такое понимание неопределенности напрямую связано с тем, что язык, используемый сторонами договора, является многозначным, а это приводит к расхождениям сторон по поводу его содержания.

² Цвайгерт К., Кёйтц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 2. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. М., 1998. С. 106.

³ Сарбаи С.В. Некоторые тенденции развития института толкования договора // Государство и право. 1997. № 2. С. 39.

⁴ Lewison K. The Interpretation of Contracts. L., 2011. P. 419.

1.4. Многозначность языка как объективная предпосылка к толкованию договора.

Многозначность слов и словосочетаний обусловлена самой природой языка, который в современном гуманитарном дискурсе принято рассматривать как систему знаков, используемую для целей коммуникации и познания⁵. Каждый знак имеет предметное (*обозначаемый объект*) и смысловое (*характеристика объекта*) значение⁶. Слова, являясь наиболее распространенными видами знаков, зачастую имеют более одного значения, статья любого толкового словаря является лучшим тому подтверждением. К примеру, слово «собственность» обозначает как материальные ценности, принадлежащие лицу, так и право на владение чем-либо⁷. Более того, сочетания слов, значения которых, казалось бы, в достаточной мере конкретизированы, в договорной практике также могут вызвать споры ввиду потенциальной многозначности: «... слова договора могут быть совершенно ясными и однозначными – как пример «*мой племянник, Джозеф Грант*» или «*справедливая рыночная цена*» – но из конкретных обстоятельств, когда вы приступили к применению условий договора, вы обнаруживаете, что слова «*мой племянник, Джозеф Грант*» могут относиться к двум лицам либо существуют два рынка, на которые могли ссылаться стороны ...»⁸.

Важно то, что «устное и письменное слово, все другие знаковые символы, с помощью которых люди вступают в юридически значимые отношения, могут далеко не в полной мере выразить все то, что кажется им важным на данный момент»⁹. Поскольку при заключении договоров стороны используют язык, многозначность слов и их сочетаний, имеющих разные предметные и смысловые значения, является *объективной предпосылкой* для возникновения вопросов толкования не только в праве, но и во всех других областях гуманитарного знания¹⁰.

Учитывая это, неопределенность договора, которая, как было указано выше, связана с наличием двух и более значений одного условия, можно рассматривать как частный случай общеязыковой неопределенности, возникающей в процессе коммуникации между людьми. Поскольку значение слова или словосочетания, используемых в договоре, как и в бытовой речи, зависит от того контекста, в котором они употребляются, не всегда понимание договорного условия одной из сторон совпадает с пониманием другой.

Так, в учебнике по германскому гражданскому праву¹¹ проф. *K. Larenz* приводит следующий пример: при бронировании гостиницы заказчик просит зарезервировать «два номера с тремя кроватями». Заказчик рассчитывает занять два номера, в каждом из которых будут по три кровати, в то время как хозяин гостиницы забронировал два номера: односпальный и двухспальный соответственно.

Беглого взгляда на данную ситуацию достаточно, чтобы сделать вывод о том, что сама формулировка заказа является неопределенной, позволяющей допустить два в равной мере возможных его значения: заказ двух номеров с шестью кроватями (с тремя кроватями в каждом номере) и заказ двух номеров с тремя кроватями.

1.5. Противоречие между условиями договора как частный случай многозначности. В английском праве выделяют такой случай неопределенности, как противоречие между отдельными условиями одного договора.

⁵ Зотов А.Ф. Современная западная философия. М., 2001. С. 209.

⁶ Ивлев Ю.В. Логика для юристов. М., 2001. С. 24; *Farnsworth A.* «Meaning» in the Law of Contracts // *Yale Law Journal*. 1967. Vol. 76. P. 941.

⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

⁸ *Lewison K.* Op. cit. P. 416.

⁹ Цвайгерт К., Кёнтц Х. Указ. соч. С. 106.

¹⁰ *Mitchell C.* Interpretation of Contracts (Current Controversies in Law). L.; N.Y., 2007. P. 5.

¹¹ *Larenz K., Wolf M.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 9, neubearb. und erweiter. Auf. München, 2004. S. 391.

Хорошим примером такого противоречия может являться дело, рассмотренное Президиумом ВАС РФ, когда два условия соглашения об отступном противоречили друг другу по вопросу о том, с какого момента обязательство по начислению процентов и пени считается прекращенным – с момента передачи недвижимого имущества по акту или с момента регистрации этого имущества за кредитором¹². Подробно данное дело рассматривается в гл. III настоящей работы как пример применения правила *contra proferentem*.

Действительно, на практике нередки случаи, когда два варианта интерпретации основаны на различных условиях, смыслы которых противоречат друг другу. Однако по своей природе такие случаи неопределенности можно выделять только в целях академической классификации, практического значения такое выделение, на наш взгляд, не имеет.

Дело в том, что природа противоречий условий договора друг другу совпадает с проблемой многозначности отдельного условия, поскольку речь идет о противоречии значений договора, которые могут быть извлечены из одного условия либо из нескольких при сопоставлении друг с другом. В обоих случаях имеет место противоречие, разнится лишь его масштаб, который обнаружится при сопоставлении значений либо одного условия, либо двух и более условий. И там, и здесь договор содержит неопределенность в целом, которая не позволяет сторонам его исполнить. Но что самое важное, способы устранения противоречий значений одного условия и значений двух условий совпадают. Во всех случаях нужно определить, на что была направлена общая воля сторон договора в целом либо как мог быть понят договор разумным лицом.

1.6. Применимы ли выводы философии языка к проблеме толкования договора?

Возвращаясь к понятию неопределенности условий договора, предложенному английскими юристами, следует обратить внимание на то, что не все выводы философии языка целесообразно механически переносить в область права для конструирования новых правовых дефиниций.

Как правильно указал проф. А. *Farnsworth*, хотя соблазн использовать выводы семантики о теории значения слов и выражений при толковании договора велик, с практической точки зрения данные построения мало чем могут помочь юристу. Это объясняется тем, что современные философы и лингвисты исследуют описательную функцию языка, между тем как основная задача использования языка в договорах иная, а именно – контроль за поведением сторон. Сами лингвисты сосредоточены на том, чтобы язык отражал истину, а цель юристов состоит в том, чтобы язык оправдал ожидания сторон, заключивших договор¹³. Эту мысль можно дополнить следующим тезисом: перед общегуманитарными науками стоят глобальные задачи, прежде всего задачи познания и объяснения явлений, а первостепенной задачей науки права является формулирование выводов, которые могут помочь суду правильно разрешить спор.

1.7. Ограничение допустимых значений спорного условия при толковании договора судом. Рассмотрение неопределенности заключения договора как ситуации с множественностью значений правильно с точки зрения семантики, но для юридической практики это не имеет важного значения, поскольку «возможно допустить неограниченное количество значений спорного условия, но в судебном споре стороны предлагают, как правило, два возможных значения, которые соответствуют их интересам»¹⁴.

Суд, толкующий договор, при разрешении спора, как было указано ранее, основывается на предлагаемых сторонами значениях спорного условия и исходя из начал диспозитивности процесса может отступить от значений, предлагаемых сторонами, лишь в силу императив-

¹² Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2014 г. № 2504/14.

¹³ *Farnsworth A.* Op. cit. P. 942.

¹⁴ *Burton S.J.* Elements of Contract Interpretation. N.Y., 2009. P. 106.

ных предписаний закона (например, устанавливая значение условий мнимой или притворной сделки согласно ст. 170 ГК РФ).

Учитывая это, неопределенность договора как объективную предпосылку для возникновения спора о толковании правильнее было бы рассматривать как ситуацию, когда *условие договора в равной мере допускает возможность существования двух и более значений, являющихся предметом доказывания сторон процесса*¹⁵. Такое дополнение является принципиально важным для рассмотрения вопроса о том, когда вопрос толкования условий договора приобретает собственно правовое значение.

1.8. Очевидные и скрытые случаи неопределенности договорного условия. Несмотря на то что неопределенность договора объективна в силу многозначности используемого языка, способы ее обнаружения зачастую различаются, что в конечном счете предопределяет степень вероятности постановки вопроса о толковании. Для демонстрации того, в каких случаях в договоре обнаруживается неопределенность, можно обратиться к тем видам неопределенности, которые выделяются в доктрине общего права.

В английском праве традиционно принято говорить об очевидной (*patent*) и скрытой (*latent*) неопределенности. В американской литературе они обозначаются соответственно как внутренняя (*intrinsic*) и внешняя (*extrinsic*) неопределенность, для того чтобы подчеркнуть различие в способе их обнаружения при разрешении судом спора о толковании¹⁶.

Очевидная неопределенность проявляется непосредственно в языке договора, в то время как скрытая неопределенность обнаруживается лишь тогда, когда язык договора используется в конкретной фактической ситуации¹⁷.

Так, при очевидной неопределенности в английской доктрине в качестве примеров обычно приводятся споры, когда в договоре различались цены, указанные в цифрах и прописью, либо когда сроки, обозначенные в договоре количеством дней и календарной датой, не совпадали¹⁸. Подобного рода неопределенности содержатся в самом тексте договора и без труда устраняются посредством толкования, в том числе в практике российской судов.

Так, при рассмотрении иска о незаключенности договора купли-продажи доли в уставном капитале общества судами было установлено несоответствие в указании размера отчуждаемой доли цифрами и прописью. В результате толкования условий договора суды пришли к выводу о том, что номинальная стоимость доли соответствует размеру отчуждаемой доли и равна 20 % в цифровом выражении¹⁹.

В другом деле судом было установлено, что в результате ошибки был неправильно указан срок действия договора страхования – с 19 по 18 апреля 2008 г. Отклоняя доводы страховой компании о невозможности применить данное условие к страховому случаю, суд указал, что договор заключен сроком на один год, что, в частности, подтверждается сроком страхования для данного вида ответственности, предусмотренным законом²⁰.

¹⁵ Следует указать, что объективная предпосылка для *восполнительного толкования договора* отличается от представленной ранее. С учетом особой природы восполнительного толкования такой предпосылкой является пробел в договоре, под которым следует понимать наличие вопроса, который прямо не урегулирован соглашением сторон (см.: гл. IV настоящей работы).

¹⁶ В американской доктрине приводятся и иные разновидности случаев неопределенности условий договора: неопределенность термина, неопределенность предложения, структурная неопределенность и неясность, основанные по большей части на выводах семантики, нежели на практике разрешения судами споров о толковании. Подробнее см.: *Farnsworth A. Op. cit. P. 952 f.*

¹⁷ *Burton S.J. Op. cit. P.13 f.*

¹⁸ *Lewison K. Op. cit. P. 416 f.*

¹⁹ Определение ВАС РФ от 4 июня 2009 г. № ВАС-6659/09 по делу № А50-12404/2007- Г13.

²⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 февраля 2010 г. № 09АП-1924/2010-ГК по делу № А40-92252/09-135-695.

При рассмотрении вопроса о компетенции суда было установлено, что стороны согласовали, что споры по договору подлежат разрешению арбитражным судом г. Кызыла, хотя арбитражного суда с таким названием не существует. Поскольку в г. Кызыле расположен и действует только один арбитражный суд, а именно Арбитражный суд Республики Тыва, компетенция данного суда была признана соответствующей условиям договора²¹.

Рассмотренные случаи позволяют прийти к выводу, что очевидная неопределенность условия, как правило, является результатом ошибок (описок, неточностей) в тексте договора следствием поспешно либо не тщательно сформулированных волеизъявлений.

Намного чаще при разрешении договорных споров встречаются примеры скрытой неопределенности, когда условие перестает быть однозначным в соотнесении с конкретными обстоятельствами спора. В таких случаях даже скрупулезно составленный договор может содержать скрытые неопределенности, которые стороны на момент заключения не могли предвидеть.

Хрестоматийный пример скрытой неопределенности, который приводится в учебниках по английскому договорному праву, представляет собой дело *Raffles v. Wichelhaus*, согласно условиям которого стороны договорились о продаже партии хлопка, которая должна была быть поставлена из Бомбея на судне «Peerless» («Несравненный»). На первый взгляд, данное условие договора поставки являлось ясным и не требующим толкования. Однако впоследствии при исполнении договора выяснилось, что порт Бомбея в разное время покинули два судна с одинаковым названием «Peerless». Покупатель при заключении договора имел в виду судно, которое вышло в море в октябре, в то время как продавец рассчитывал на судно, которое отправилось к месту назначения только в декабре²².

Из обстоятельств дела «Peerless» следует, что условие договора о доставке потребовало судебного истолкования только после соотнесения его с обстоятельствами дела, в то время как на этапе заключения договора его значение не вызвало у сторон разногласий. В этом состоит существенная характеристика скрытой неопределенности договора, необходимость толкования которого обнаруживается только после применения его условий к конкретным отношениям сторон с учетом всех внешних обстоятельств.

Примером скрытой неопределенности из практики российских судов может служить дело, в котором было дано толкование условия договора о подготовке специалиста, заключенного между обществом-работодателем и университетом, согласно которому общество приняло на себя обязательство оплачивать учебу по юридической специальности работника, трудившегося в обществе слесарем по ремонту автомобилей. Работодатель гарантировал трудоустройство работника в структурных подразделениях общества после окончания учебы на срок не менее пяти лет. После получения диплома работник обратился к обществу с вопросом о предоставлении работы юристконсульта, в чем ему было отказано со ссылкой на то, что он уже трудоустроен, поскольку продолжает работать по специальности слесаря²³.

В данном случае неопределенность спорного условия проявилась именно после его применения к отношениям сторон, поскольку вопрос о том, по какой специальности общество

²¹ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 1 декабря 2009 г. по делу № А69-1184/2009.

²² *Lewison K.* Op. cit. P. 417.

²³ Постановление Президиума Московского областного суда от 11 мая 2011 г. № 176.

обязывалось трудоустроить работника, вряд ли мог вызвать сомнения. Суду пришлось оценить все обстоятельства отношений сторон, для того чтобы прийти к правильному выводу о том, что договором было гарантировано трудоустройство работника в соответствии с полученным им образованием по юридической специальности.

1.9. Практическое значение выделения видов неопределенности. Для английского права выделение видов неопределенности может иметь практическое значение: в случае очевидной неопределенности суд, как правило, не может прибегнуть к помощи иных, помимо текста договора, доказательств (переговоры, переписка, последующее поведение и т. д.) в силу правила о словесных доказательствах (*parol evidence rule*), в то время как при толковании условий, содержащих скрытую неопределенность, ссылка на такие доказательства допустима.

Нельзя не отметить, что предлагаемый английскими юристами критерий видов неопределенности носит достаточно условный характер, поскольку независимо от того, на каком этапе неопределенность обнаруживается судом – при первом прочтении договора либо в последующем, – споры о толковании договора всегда подразумевают применение спорного условия к конкретным отношениям сторон.

Несмотря на это описанные ранее случаи обнаружения в договоре неопределенностей, требующих истолкования, для российской доктрины ценны тем, что позволяют сделать важный для последующего изложения вывод: *в условии договора, которое при первом прочтении представляется однозначным, при соотнесении его со всеми обстоятельствами дела может быть обнаружена скрытая неопределенность.*

Предложенное ранее объективное понятие неопределенности условия договора, равно как выделение очевидных и скрытых неопределенностей, позволяет обобщить случаи, когда перед судом при разрешении спора возникают вопросы, требующие толкования договора. Тем не менее для ответа на вопрос о том, *каковы причины возникновения между сторонами противоречия в понимании содержания договора*, этого недостаточно.

Неопределенность договора следует рассматривать не только как объективную характеристику языка спорного условия, но и как проблему распознаваемости волеизъявлений сторон, которые составляют основу гражданско-правового договора.

1.10. Распознаваемость волеизъявления стороной договора. Эта проблема наиболее глубоко исследована в немецкой доктрине, где традиционно неопределенность условия договора связывают с различием в понимании, возникающим между автором волеизъявления и его адресатом. Как в случае с заказом двух номеров с тремя кроватями, приведенном ранее, между заявителем и получателем, которому адресована оферта, в последующем может возникнуть спор по вопросу о содержании волеизъявления.

В отличие от доктрины общего права, сосредоточившей внимание на объективных характеристиках языка, первостепенной в немецком праве является проблема *понимания спорного условия стороной, которой оно адресовано*. Такой подход согласуется с немецкой философской традицией, в рамках которой феномен понимания становится основной герменевтической проблемой²⁴.

Так, поворот от психологических концепций толкования, в центре которых была субъективность автора (*Ф. Шлейермахер, В. Дильтей*), к экзистенциальным, в центре которых оказалась субъективность воспринимающего (интерпретирующего) субъекта (*М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер*), оказал заметное влияние на правовую науку, что отмечает проф. *А. Lüderitz*²⁵. Как следствие, в немецкой доктрине происходит смещение акцентов с исследования воли автора (психологически-ориентированное толкование) на анализ условий понимания таковой адресатом волеизъявления.

²⁴ Lüderitz A. Auslegung von Rechtsgeschäften. Köln, 1966. S. 8.

²⁵ Ibid. S. 9 f.

Особенности индивидуального словоупотребления, коммерческий опыт, объем владения сведениями о конкретных обстоятельствах сделки и другие обстоятельства формируют то, что в немецкой доктрине принято обозначать как *горизонт понимания* (*Empfängerhorizont*) спорного условия каждой из сторон. Далеко не всегда горизонт понимания адресата, который формируется из названных элементов, может охватывать и то значение, которое придавал своему волеизъявлению адресант, в особенности тогда, когда такое значение тесно связано с обстоятельствами, окружающими его личность. В качестве примера приведем судебное дело, на которое ссылаются авторы курса германского гражданского права.

Так, согласно обстоятельствам данного дела датчанин (продавец) и чех (покупатель) договорились в Берлине о продаже лошади за 1000 крон, при этом каждая из сторон при заключении договора имела в виду валюту своей страны. Очевидно, что спор между сторонами возник в связи с тем, что горизонт понимания адресата оферты, покупателя, не охватывал то значение, которое придавал собственной оферте ее адресант (продавец)²⁶.

Как следствие, ввиду *несовпадения горизонтов понимания сторон возникает противоречие в отношении содержания их общего волеизъявления, лежащего в основе договора*.

Вместе с тем следует указать, что в западной правовой доктрине сложилось два основных подхода к преодолению проблемы несовпадающих горизонтов понимания сторон – субъективный и объективный. В рамках первого подхода решающее значение имеет то, как волеизъявление было или должно было быть понято тем лицом, которому оно адресовано. В рамках второго подхода устанавливается понимание разумного лица, т. е. абстрактного третьего лица.

1.11. Понятие интерсубъективности в немецкой философии. Указанное решение проблемы различающихся горизонтов понимания тесно связано с такой философской категорией, как *интерсубъективность*, которая была введена в научный оборот выдающимся немецким философом Э. Гуссерлем.

В теории познания интерсубъективность предполагает отказ от *познающего Я* в качестве опоры для объяснения процесса понимания, т. е. отход от главенства субъективного критерия, в рамках которого *познающему Я* противостоит объективный мир. Применительно к теории толкования договора такой отказ означает отступление от авторского значения неясного условия.

С позиций теории интерсубъективности обоснование познания видится в общем опыте рефлексирующих субъектов: «*Я* естественным образом выстраивает в себе других и складывает интерсубъективную общность – общность (гипотетических) субъектов, каждый из которых имеет мир в своем опыте, и в силу этого мир может рассматриваться как объективно (для всех) сущий – то есть как основание индивидуального опыта *Я*. В то же время *Я* фиксирует своеобразие своего опыта в отношении других возможных опытов. На основе интерсубъективного сообщества при рефлексии над тем, как Другой выстраивает «его» Других, формируется интенциональная общность, характеризующаяся направленностью на горизонт возможностей понимания»²⁷.

С точки зрения социального познания интерсубъективность характеризуется общим горизонтом понимания, который «предполагает общность опыта взаимодействующих субъектов и общезначимость его результатов»²⁸. Такой общий опыт в конечном счете обеспечивает саму «возможность взаимопонимания и лежит в основе коммуникации»²⁹.

²⁶ Энкецгерус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. 1. М., 1949. С. 340.

²⁷ Новейший философский словарь / Сост. А.М. Грицанов. Минск, 1999.

²⁸ Зайцев И.Д. Интерсубъективность как проблема социальной философии.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 4.

²⁹ Там же.

Проблему интерсубъективности на примере повседневного понимания анализирует последователь Э. Гуссерля, основатель социальной феноменологии А. Шюц: «В естественной установке здравого смысла повседневной жизни я принимаю в качестве само собой разумеющегося существование наделенных разумом других людей. Из этого следует, что объекты этого мира в принципе доступны их знанию, либо уже известны, либо познаваемы ими... Но я также знаю и считаю само собой разумеющимся, что, строго говоря, «тот же самый» объект имеет несколько разные значения для меня и для кого бы то ни было еще»³⁰.

Причины возникновения проблемы множественности значений одного объекта А. Шюц усматривает в различиях индивидуальных горизонтов понимания, обусловленных личным опытом индивида, его знаниями, обстоятельствами и т. д. При этом указанные различия, по мнению ученого, преодолеваются путем идеализации систем релевантностей: «... пока нет свидетельств обратному, я считаю само собой разумеющимся – и полагаю, что и другой тоже, – что различие перспектив, проистекающее из уникальности наших биографических ситуаций, нерелевантно наличным целям каждого из нас и что «мы» предполагаем, что каждый из нас отбирает и интерпретирует реально или потенциально общие нам объекты и их свойства одинаковым образом или, по меньшей мере, в «эмпирически идентичной» манере, достаточной для всех практических целей»³¹.

1.12. Интерсубъективный опыт сторон как основа взаимного понимания содержания договора. Применительно к различающимся горизонтам понимания неясного условия договора тезис, выдвигаемый А. Шюцем, может быть сформулирован следующим образом: сторона, предложившая спорное условие, рассчитывает на то, что другой стороне будет доступно для понимания вкладываемое ею значение такого условия. Обратное тоже верно: другая сторона также рассчитывает, что ее понимание условия совпадет с пониманием, предложенным стороной – автором данного условия. Общее понимание складывается из того, что обе стороны мыслят интерсубъективно, рассчитывая, исходя из практической цели (исполнение договора), на совпадение пониманий. По этой причине, если будет установлено, что одна из сторон знала либо не могла не знать об индивидуальном понимании условия другой стороной, такое понимание считается правильным и должно защищаться правом. Эта идея положена в основу субъективного подхода к толкованию договора.

Как указывал А. Шюц, «можно предположить, что тот сектор мира, который я рассматриваю как неоспоримую данность, является таким же и для вас, моего индивидуального другого, более того, он является таковым для «нас». Но это «мы» включает не только меня и вас, но «любого, кто является одним из нас», т. е. любого, чья система релевантностей существенно (или в достаточной степени) соответствует моей и вашей»³².

Применительно к толкованию договора, если по каким-либо причинам горизонты понимания сторон не совпадают, можно рассчитывать на то, что значение условия, вкладываемое одной из сторон, совпадет с перспективой понимания этого условия «любим другим», т. е. абстрактным третьим, лицом, чей горизонт понимания очерчивается посредством интерсубъективного опыта, общего для всех лиц. Эта мысль в свою очередь служит основанием для применения объективного критерия толкования. Подробно указанные подходы к толкованию договора исследуются в гл. II настоящей книги.

1.13. Язык как условие понимания. Не следует упускать из виду и то, что язык и понимание тесно связаны друг с другом, поскольку язык является условием понимания. Данную мысль Х.-Г. Гадамер формулирует следующим образом: «Понять то, что нам говорит другой, означает, как мы видели, прийти к взаимопониманию в том, что касается сути дела, а вовсе не

³⁰ Шюц А. Мир светящийся: Избранное. М., 2004. С. 14.

³¹ Там же.

³² Шюц А. Мир светящийся: Избранное. С. 14.

означает поставить себя на его место и воспроизвести его переживания... Теперь мы обращаем внимание на то, что весь этот процесс есть процесс языковой. Недаром собственная проблематика понимания, попытка овладеть пониманием как искусством, – а это и есть тема герменевтики, – традиционно принадлежит сфере грамматики и риторики. Язык есть та среда, в которой происходит процесс взаимного договаривания собеседников и обретается взаимопонимание по поводу самого дела»³³.

Справедливо утверждать, что объективная многозначность языка и субъективные различия понимания тесно связаны друг с другом, поскольку значение используемых в договоре слов и выражений напрямую зависит от контекста их употребления, возможность определения которого в свою очередь зависит от горизонта понимания спорного условия договора каждой из сторон.

1.14. Значение выделения субъективных и объективных предпосылок спора о толковании. Отвечая на вопрос о причинах возникновения противоречий в понимании содержания договора, справедливо утверждать о наличии как объективных, так и субъективных предпосылок. Первые связаны с многозначностью используемого в договоре языка, в то время как вторые обусловлены несовпадением горизонтов понимания того или иного условия каждой из сторон. Следует особо подчеркнуть, что в отличие от толкования договора в узком смысле предпосылкой к восполнительному толкованию договора является пробел, что подробно описано в гл. IV настоящей работы.

Данный вывод важен не только для описания масштаба интерпретационных проблем, стоящих перед судом при толковании договора, но и для постановки значимых для практики вопросов.

Логическим следствием утверждения о наличии объективных предпосылок возникновения неопределенности содержания договора является предположение о возможности разграничения случаев, когда договор нуждается в толковании и когда такая необходимость отсутствует.

В свою очередь учет субъективных различий в понимании договорного условия допускает мысль о том, что спор о толковании может быть не только обусловлен наличием неопределенности, но может являться следствием сознательно занятой в судебном процессе позиции одной из сторон, которая, к примеру, стремится избежать применения к ней мер договорной ответственности, ссылаясь на несовпадение в понимании условия³⁴. Здесь уже речь идет о возможности злоупотребления стороной своими процессуальными правами со ссылкой на несовпадение понимания договора.

В этой связи закономерен вопрос: можно ли выделить случаи, когда договор объективно не требует истолкования, а его содержание является ясным? Верна ли в принципе такая постановка вопроса с методологической точки зрения? Для ответа на данный вопрос следует обратиться к соотношению между толкованием и установлением буквального значения договора.

³³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 446–447.

³⁴ Burton S.J. Op. cit. P. 9 f.

§ 2. Установление буквального значения условий договора

2.1. Можно ли говорить о договорных условиях, содержание которых ясно и не требует толкования? Рассмотрение предпосылок возникновения спора о толковании договора не было бы полным без обращения к вопросу о том, возможно ли выделить сферу случаев из договорной практики, когда толкование является избыточным, т. е. когда условия договора достаточно ясные и определенные.

С точки зрения разрешения договорных споров во многих случаях смысл условий, о которых спорят стороны, суду ясен уже после первого прочтения текста договора. Однако обе стороны либо одна из них могут настаивать на ином, отличном от буквального, значении спорного условия. При этом обоснование сторонами специального значения условия не всегда означает, что сторона злоупотребляет своими процессуальными правами: значение, отклоняющееся от буквального, может основываться на таких обстоятельствах взаимоотношений сторон, которые не могут быть установлены только путем исследования текста договора.

Такие ситуации требуют решения ряда взаимосвязанных вопросов, имеющих непосредственное значение для рассматриваемой нами темы. Во-первых, каким образом соотносятся установление буквального смысла слов и выражений, содержащихся в договоре (условно назовем этот акт *чтением* договора), и собственно процесс его толкования, который предполагает применение специальных правил? Во-вторых, является ли толкование договора избыточным, когда после установления буквального значения спорное условие становится для суда ясным?

Данным вопросам уделено значительное внимание в судебной практике западных правовых систем, чрезвычайно актуальны они и для российской практики применения ст. 431 ГК РФ. Критический анализ основных подходов, сложившихся в зарубежном праве, может помочь не только продемонстрировать масштаб проблемы, но и избежать ошибок при ее решении с точки зрения российского права.

2.2. Допустимость постановки вопроса о толковании в римском частном праве. Как было правильно подмечено проф. А. Lüderitz³⁵, история толкования договора исполнена стремлением избежать толкования³⁵. Уже в римских источниках упоминается об избыточности толкования в случае наличия ясного буквального значения. Так, согласно классической римской максиме, «когда слова не возбуждают никаких разногласий, не следует допускать (постановки) вопроса о воле» (*cum in verbis nulla ambiguitas est, non debet admitti voluntatis quaestio*)³⁶. На более поздних этапах развития римской правовой мысли данная максима подверглась пересмотру.

Недопустимость постановки вопроса о значении воли в процитированном высказывании римского юриста Павла по существу представляет собой ограничение толкования буквальным значением слов. При этом нельзя утверждать, что это правило лишь исторический рудимент строгих форм заключения сделок в римском праве. Дальнейшее развитие человечества показало, что ограничение толкования договора в разных формах оказалось востребованным и современными правовыми системами.

2.3. «Золотое правило» и правило очевидного значения в английском праве. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в странах общего права, которые традиционно основывались на объективной теории договора, в рамках которой предпочтение отдается прежде всего самому тексту договора.

³⁵ Lüderitz А. Op. cit. S. 65.

³⁶ Римское частное право: Учебник / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2004. С. 26 (автор разд. I – В.А. Краснокутский).

В практике английских судов сложилось так называемое *золотое правило* толкования (*golden rule*), согласно которому «слова договора должны быть истолкованы в их буквальном и обычном смысле, исключая случаи, когда отклонение необходимо для того, чтобы избежать абсурда, противоречия либо непоследовательности»³⁷.

Ввиду простоты применения и значительной процессуальной экономии английские судьи до последнего времени придерживаются при толковании условий договора данного правила, несмотря на то, что оно неоднократно подвергалось критике³⁸.

В 1835 г. Эдвард и Джеймс Маллан согласились консультировать Леона Мэйя по вопросам организации врачебного бизнеса с условием, что Мэй не будет без их согласия практиковать в качестве дантиста в пределах Лондона. После истечения срока договора Мэй начал работать зубным врачом на Грейт Рассел Стрит (во время заключения договора данный район находился в миле от исторического центра Лондона и входил в его ближайшие окрестности). Разрешая дела по иску о взыскании убытков к Мэю, суд, применяя рассматриваемое правило, в частности, указал на то, что слово «Лондон» надо понимать в буквальном смысле, т. е. как исторический центр города (*the City of London*), а не в широком смысле, который включает также его окрестности³⁹.

Применяя «золотое правило» и всецело полагаясь на буквальное значение, суд, что самое важное, не учел, что на Грейт Рассел Стрит располагались сами истцы. Очевидно, что включение такой оговорки в договор было направлено на то, чтобы избежать конкуренции в том месте, где истцы уже ведут аналогичный бизнес, поэтому имеются обоснованные сомнения в том, что буквальное значение слова «Лондон» отражало волю сторон.

В американских судах аналогичное значение имеет *правило очевидного значения* (*plain meaning rule*)⁴⁰. Данное правило выполняет ограничительную функцию в процессе доказывания смыслового содержания договора, представляя собой по существу запрет сторонам ссылаться в подтверждение значения, отклоняющегося от буквального, на обстоятельства, которые прямо не следуют из текста договора (*extrinsic evidences*). Как отмечается в литературе, «в случае отсутствия неопределенности суды делают вывод о том, что документ является «ясным» и буквальное значение становится значением договора»⁴¹.

Как считает проф. *R. Zimmerman*, данные правила восходят к уже процитированной выше максиме *Павла*⁴². С учетом той роли, которая этим правилам отведена в общем праве, в английской доктрине сложилось целое научное направление – *литерализм* (от англ. – *literal*, буквальный). Как не без иронии отмечают американские юристы, приверженцы литерализма при толковании договора словно мантру повторяют один и тот же тезис: «Когда язык договора является однозначным и ясным, суд должен придерживаться буквального значения, несмотря на утверждения стороны о том, что она понимала договор как-то иначе»⁴³.

В качестве противопоставления литерализму в Англии и США сложилась доктрина приоритета контекстуального значения (*contextual meaning*), основной задачей которой стал отказ (полный либо частичный) от ограничения толкования в буквальном значении. В итоге необходимость применения рассматриваемых правил при разрешении договорных споров была пере-

³⁷ *Lewison K.* Op. cit. P. 202.

³⁸ *Mitchell C.* Op. cit. P. 99.

³⁹ *Cases, Materials and Text on Contract Law: Ius Commune Casebooks for the Common Law of Europe.* Oxford, 2010. P. 678.

⁴⁰ В английской практике термин «plain meaning rule» также используется как синоним «golden rule».

⁴¹ *Burton S.J.* Op. cit. P.105.

⁴² *Zimmerman R.* *The Law of Obligations: Roman Foundations of the Civilian Tradition.* N.Y., 1996. P. 620.

⁴³ *Burton S.J.* Op. cit. P. 123.

смотрена: в США – после утверждения Второй кодификации договорного права (*Restatement Second of the Law of the Contracts*); в Англии – после рассмотрения Палатой лордов в 1997 г. ключевого дела *Investors Compensation Scheme* (подробнее см. гл. II настоящей работы).

2.4. Правило ясных и точных условий во французском праве. В отличие от традиций английского и американского права по замыслу разработчиков гражданских кодексов Германии и Франции, основанных на классической (консенсуальной) модели договора (подробнее см. также гл. II настоящей работы), при толковании договора суды должны были полностью отказаться от приоритета буквального значения.

Согласно ст. 1156 ФГК при рассмотрении соглашений нужно исследовать в первую очередь, каково было обоюдное намерение договаривающихся сторон, а не останавливаться на буквальном смысле выражений. В соответствии с § 133 ГГУ при толковании волеизъявлений необходимо следовать действительной воле, не придерживаясь буквального смысла выражений.

Тем не менее в судебной практике были сформулированы подходы, которые отклоняются от данных требований закона. В особенности это касается французского права, где Кассационным судом Франции (*Cour de Cassation*) было разработано *правило ясных и точных условий (clauses claires et précises)*, смысл которого состоит в том, что «ясные и точные» условия договора не нуждаются в истолковании, поскольку если их смысл очевиден, то необходимость в установлении общей воли сторон в соответствии со ст. 1156 ФГК отсутствует.

Несмотря на ряд обоснованных возражений со стороны французской доктрины, связанных прежде всего с тем, что вывод о *ясности* условий также является результатом толкования, данное правило применяется до настоящего момента⁴⁴. Сохранение этого правила в современной практике связано с тем, что оно позволяет Кассационному суду Франции осуществлять судебный контроль за теми выводами, к которым могут прийти нижестоящие суды, разрешая дела по существу посредством толкования договора.

Обстоятельства дела, рассмотренного Кассационным судом Франции, таковы: истец (покупатель) с ответчиком (продавец) заключили договор на продажу трески, согласовав условие о том, что продавец может в одностороннем порядке уменьшить количество поставляемого товара в случае принятия решения об уменьшении поставок ассоциацией рыборотговцев. Указанное решение было принято, вместе с тем объективные показатели улова в спорный период не уменьшались. Поскольку продавец поставил только половину согласованного количества товара, покупатель обратился с иском о расторжении договора и взыскании убытков, ссылаясь на наличие у продавца необходимого для исполнения договора количества товара на складе и объективное увеличение улова в том году, когда должна была быть произведена поставка. Нижестоящие суды удовлетворили иск, основываясь на том, что при включении спорного условия стороны исходили из того, что решение о снижении поставок будет принято названной ассоциацией только в случае объективного снижения улова. Отменяя указанное решение, Кассационный суд Франции указал, что спорное условие является ясным и не требует толкования, а суды нижестоящих инстанций были не вправе устанавливать обоснование решения названной ассоциации, ограничивая право продавца на снижение количества поставляемого товара.

Как видно, основная цель правила не допустить искажения смысла договора (*dénaturations*) при ясных и точных условиях, когда суд может «переписать» договор при его

⁴⁴ Цвайгерт К., Кёту Х. Указ. соч. С. 110.

толковании, нарушив автономию воли сторон. «Французские юристы, таким образом, рассматривают доктрину ясных и точных условий преимущественно как способ сдерживания избыточного толкования нижестоящими судами путем ограничения суверенного права *judes du fond* на оценку, которое... следует из рассмотрения французским правом вопросов толкования договора как выводов о факте»⁴⁵ (подробнее о квалификации результатов толкования договора см. § 3 гл. III настоящей работы).

Между тем хотя решение Кассационного суда Франции полностью соответствует буквальному смыслу спорного условия, которое не содержало никаких дополнительных указаний на основания принятия ассоциацией рыборотговцев соответствующего решения, его нельзя признать в полной мере соответствующим воле сторон договора. Что самое важное, разрешая дело в пользу продавца, Кассационный суд Франции не принял во внимание в качестве доказательства письмо продавца торговому представителю, из которого следовало, что решение ассоциации могло быть принято только в случае объективного дефицита рыбы. Очевидно, что покупатель рассчитывал на то, что право на одностороннее уменьшение поставки обусловлено реальным снижением показателей улова, а не произвольным принятием ассоциацией соответствующего решения, хотя договор не содержал таких уточнений.

При решении проблемы избыточности толкования также видно, что при применении рассматриваемого правила французские суды исходят из «неопровергаемой презумпции того, что ясное условие является правильным и полным выражением намерений сторон»⁴⁶. Тем не менее действие данной презумпции в настоящее время значительно «смягчено», и, как отмечает проф. S. Vogenauer, отклонение от буквального значения допустимо в случае, когда такое значение является малообоснованным⁴⁷. Можно говорить о частичном отказе от правила ясных и точных условий во французском праве в пользу более широкого рассмотрения всех обстоятельств, влияющих на контекст спорного условия.

2.5. Правило однозначности в немецком праве. Заметно отличается от указанных подходов решение проблемы соотношения толкования и установления буквального значения условий, предложенное немецкими юристами.

Немецким судам также знакомо *правило однозначности (Eindeutigkeitsregel)*, которое было сформулировано Верховным судом Германии для того, чтобы при толковании договора не допустить искажения его смысла путем исключения не относящихся к разрешению спора интерпретаций. Однако данный подход в отличие от английского и французского не запрещает толкование в случае вывода об определенности и ясности условий, а наоборот, ставит его необходимым условием для формулирования судом такого вывода⁴⁸.

В Германии правило однозначности также играет важную роль в процессе доказывания сторонами значений спорного условия. Однако в отличие от французского и английского подходов, где соответствующие правила ограничивают круг доказательств текстом договора, в немецком праве данное правило служит цели *распределения между сторонами бремени доказывания*

⁴⁵ Vogenauer S. Interpretation of Contracts: Concluding Comparative Observations (<http://ssrn.com/abstract=984074>)

⁴⁶ Grigoleit H.C., Canaris C.-W. Interpretation of Contracts. 2010. P. 11 (<http://ssrn.com/abstract=1537169>).

⁴⁷ Vogenauer S. Op. cit. P. 9.

⁴⁸ Lüderitz A. Op. cit. S. 66.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.